

транслируют разобщенность и отчуждение, а тайный язык – стремление укрыться в безмолвии природы.

Таким образом, прослеживая становление темы утраченной речи и чужого языка в произведениях Т. Капоте, можно с уверенностью заключить, что этот мотив занимает одно из центральных мест в его творчестве 1950-х гг. Язык и речь становятся у Капоте отражением внутреннего психологического состояния героев и общества в целом. Через утраченную способность говорить Капоте вносит в произведения определенный подтекст, «второй» план содержания, помогающий глубже раскрыть авторский замысел, его взгляд на послевоенную Америку и место человека в ней.

Литература

Капоте Т. Завтрак у Тиффани: повести. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус. 2015.

Капоте Т. Один из путей в рай. М. : Правда (Библиотека «Огонек», №15), 1967.

Rudisill M., Simmons J. The Southern Haunting of Truman Capote (1st ed.). Nashville, Tennessee : Cumberland House. 2000.

УДК 821.161.1-43(Дурылин С. Н.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

Ю.И. Назарук

*(Северный Арктический федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия)*

МИР РУССКОГО СЕВЕРА В ПУТЕВОМ ОЧЕРКЕ С.Н. ДУРЫЛИНА «ЗА ПОЛУНОЧНЫМ СОЛНЦЕМ. ПО ЛАПЛАНДИИ ПЕШКОМ И НА ЛОДКЕ»

Аннотация. В статье рассмотрены способы создания образа Русского Севера в путевом очерке С.Н.Дурылина «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке». Выявлены основные оппозиции, на которых строится образ Русского Севера, и особенности поэтики путевого очерка. Описаны мотивы и стилистические особенности произведения. Раскрыты ценностные ориентиры писателя.

Ключевые слова: Русский Север, путевые очерки, литературные образы, русская литература, русские писатели, литературное творчество, образ Севера.

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) – писатель, фольклорист, этнограф, священник-богослов. Его жизнь имеет множество белых пятен, а некоторые факты его биографии до сих пор не имеют однозначной интерпретации. За свою жизнь Дурылин создал множество произведений. В их число входят художественные тексты, литературоведческие исследования (о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Толстом, Гаршине и др.), статьи о Шекспире, Вагнере, воспоминания о Нестерове, Пастернаке и т.д. Список его произведений и работ поистине поражает своим многообразием.

Русский Север сыграл немаловажную роль в жизни и творчестве Сергея Николаевича Дурылина. Для него он стал воплощением идеала единства Церкви и народа. Идеала, который казался утраченным. Увлечения Дурылина этнографией, историей и фольклором неудержимо тянули его на Русский Север, ставший для писателя олицетворением самобытности, хранителем народных и православных традиций и идеалов.

Дурылин впервые посещает Русский Север в 1906 году: Олонецкую губернию, Архангельск, острова Белого моря, Соловки. Это был непродолжительный отпуск, взятый в издательстве «Посредник», в котором он работал секретарём. «Здесь тихий ангел пролетел над землёю и водами – и утихло раз навсегда злое мирское волнение», – пишет Дурылин о своих впечатлениях об этом путешествии [Торопова 2014: 24]. Для писателя, живущего в Москве, Север стал местом тихого и размеренного уклада жизни, местом, которое умиротворяет каждого своего гостя особой таинственностью и глубиной.

Уже летом 1908 года Дурылин возвращается на Север. В этих поездках он записывает произведения северного устного народного творчества, зарисовывает архитектуру церквей. И именно в этом году начинает посещать лекции в Московском Археологическом институте.

В 1911 году, уже являясь студентом Археологического института, Дурылин с другом В.В. Разевигом в третий раз посещает Север. Маршрут их путешествия масштабен, охватывает не только Русский Север – Северную Двину, Архангельск, Кандалакшу, Кемь, Хибины, Мурман, но и Лапландию, побережье Норвегии.

Летом 1914 и 1917 года писатель совершает две свои последние поездки на Север, которые проходили в тяжёлых условиях. «Часто шли пешком по трясинам, мхам, оленьим тропам, иногда сутками без сна, полуголодные, мокли под дождём, людей пожирали тучи комаров, на утлых судёнышках плыли по бурлящим озёрам. Физически слабому и не крепкому здоровьем Дурылину непросто было вынести все эти тяготы, однако он пронёс через всю свою жизнь глубокую светлую любовь к Северу», – пишет В.Н. Торопова о путешествиях Дурылина со своими учениками [Там же:138].

Итогом этих путешествий стал ряд произведений и работ. Так, Дурылин «записывает образцы северного фольклора – песни, частушки, сказки, заговоры, причитания, плачи, считалки, свадебные обряды. Зарисовывает архитектуру северных церквей, делает их замеры, описывает иконы, иконостасы. Набрасывает схемы береговых линий и островов материкового происхождения в Ледовитом океане. Делает выписки из церковных книг. Он совершает открытие – доисторический Кандалакшский вавилон» [Там же: 135]. Изучает быт северных народов и религиозные традиции севернорусского народного православия. Позже были изданы следующие его произведения о Севере: путевой очерк «За полуночным солнцем. По Лапландии пешком и на лодке» (1913), исследование «Кандалакшский Вавилон: к изучению северных лабиринтов» (1914); «Под северным небом. Очерки Олонецкого края» (1915); статья «Из скитаний по Русскому Северу (На Заячьих островах)»; сонеты «Север. К полуночному солнцу»; очерк «Древнерусская иконопись и Олонецкий край».

Мы рассмотрим образ Русского Севера, созданный Дурылиным в путевом очерке «За полуночным солнцем». Выбор произведения обусловлен его художественной природой

и образным языком. Остальные же прозаические произведения, написанные о Севере, носят научный или документальный характер.

Путевой очерк начинается с комментария Дурылина: «Предлагаемые очерки скитаний “За полуночным солнцем” составились из путевых заметок, веденных мною во время командировки на север, данной мне Московским Археологическим Институтом в 1911 году. К ним я счел нужным присоединить главу о лопарях, написанную как на основании существующей литературы о лопарях, так и на основании собственных наблюдений. Первоначально избранные главы предлагаемой книги были прочитаны мною в 1912 г. в виде публичных лекций в Москве, Нижнем Новгороде и Вязниках» [Дурылин 2014: 149].

В путевом очерке «За полуночным солнцем» писатель рассказывает о своей рабочей поездке в Лапландию, которой посвящены последние главы произведения. Первые же повествуют о путешествии по Русскому Северу. На них мы и сконцентрируем наше внимание.

Образ Русского Севера в очерке строится на оппозициях: человек – природа; Север – не Север; город – река; сказочное – реальное. Эти оппозиции прослеживаются во всех главах, посвящённых путешествию от Москвы до Архангельска.

Первые две оппозиции «человек – природа» и «Север – не Север» неразделимы и поэтому их мы раскроем в совокупности. Для Дурылина человек и природа нераздельны, и часто через описание природы он раскрывает образ жителя той или иной местности.

Так, вологодские деревушки «чёрные», коровы на их лугах «медлительные», парни «босые и русые, в одних рубахах и синих портах» [Там же: 153]. Писатель рисует образ увядающего края. Пароходу, на котором путешествует писатель «тесно на маленькой Вологде». Тогда как Северная Двина «широкая», «огромная» и «тихая», а сёла по её берегам «...не пестры, не ярко-нарядны, не скученно-велики, как волжские, в них нет приволжской, немного лукавой суеты. С церкви и до последней избушки в них всё просто, прочно, тихо, прекрасно,

всё исконно, неразрывно с давней, давней стариной» [Там же: 154]. Для парохода на Северной Двине «нет никаких мелей: где не иди – всюду можно» [Там же: 157]. Связывая реку, образ деревень и их жителей, Дурылин приходит к выводу, что «...у каждой реки есть задушевное сходство с тем, кто на ней живёт. Волга и Ока – весёлые, шумливые, светлы реки – и такие в то же время печальные, такие унылые... с их почти безлесыми берегами, с жирной пёстрой нефтью, расплывающейся безобразными пятнами и кругами по воде. И житель средней России – великорус – ярославец, костромич, воложанин, плачет надрывается от труда, напивается пьян, поёт, смеётся у себя над Волгой или Окой, и так же спутана, пестра, шумлива его жизнь, как эти пёстрые шумливые реки. А Северная Двина тиха, проста, строга, молчалива, сильна... Топят пароход дровами, нефти нет и в помине, и вода чистая, ясная, ровная. Двинец, архангелец или северный воложанин, нетороплив, как будто замкнут – на самом деле добродушен, но не нараспашку, не суетлив, прост, но не той простотой, которая по пословице, «хуже воровства»: в нём есть что-то близкое, одинаковое с этой рекой – ещё чистой, ещё глубокой, сурово-величавой, ясной, ещё оберегаемой глухими лесами, такой молчаливой, такой прекрасной... И суровые, молчаливые северные люди добродушнее воложан» [Там же: 158]. Автор не даёт оценки жителям той или иной местности, но глубоко чувствует их различия. Различия, обусловленные местностью и характером природы. Природа не воспитывает человека, не противопоставлена ему и не отражает его. Природа и человек для Дурылина образуют единое целое, которое функционирует и живёт как единый организм.

Но писатель намекает на разрыв, который возможен между человеком и природой. Этот намёк виден в пароходах, работающих на нефти в средней России и на дровах на Севере. Ведь это не только проявление самобытности края, это ещё и своего рода диалог человека с природой. И если житель Русского Севера, как и Северная Двина, которая «ещё чиста», ещё «глубока», ещё ведёт диалог с природой, сохраняя самобытность, то «шумный и пёстрый» «среднерус» утрачивает

её. Север охраняем густыми лесами и самим расположением на краю страны. Благодаря этому на Севере сохранился древнерусский быт и нравы. Нравы, которые складывались веками в свободном от крепостного права крае, который своей глубиной и тайной веков не оставляет равнодушным ни одного своего гостя.

Но не только северный житель связан с природой, город Архангельск становится частью этого единого целого, и объединяет их река, «настоящая кормилица Севера», которая «...если б захотела, разлилась – текла бы в семнадцать вёрст ширины, всё затопила бы, всё бы сравняла, сблизила, соединила» [Там же: 157]. Огромная тихая Северная Двина становится не просто кормилицей – она словно неведомая сила «сближает» и «соединяет» два мира: мир природы и человека, который в свою очередь через прикосновение к ней становится неотъемлемой частью нерушимой гармонии мира. Так и город Архангельск воплощает в себе эту гармонию: «Архангельск – город сна и пробуждения», – пишет Дурьлин [Там же: 148]. «Зимой, долгой зимой он спит», а летом «с мая по конец сентября Архангельск пробуждается и живёт шумно, бодро, как будто хочет наверстать потерянное зимой время» [Там же]. Природа сама диктует ритм жизни города, а город и его жители не сопротивляются ему. Всё здесь является взаимосвязанным: и река, и город, и жители. Это мир, подчиняющийся законам времени и природным циклам и на которые не способен повлиять человек. Так, например, «расти в ширину Архангельску некуда», как и Северная Двина если б разлилась, то затопила бы и соединила, но ни город не может расти в ширину ни река. Словно город и река имеют единое начало. Всё на Русском Севере цельно и, кажется, нерушимо.

Описывая северную природу и жителей, Дурьлин рисует не только реальное пространство: река, берега, деревушки, улочки города и нравы жителей, в путевом очерке мы встречаем метафоры и эпитеты, которые погружают нас в сказочное пространство. Так, например, вода в Северной Двине «добрая», лес «вольный», заходящее солнце – это «настоящий петуший гребешок, – как от сказочного петушка-золотого гребешка», а

«какой-нибудь ветхий-преветхий дед, весь белый, – и, кажется, что он пришёл из сказки, что это – тот самый дед, что сеял репку, тянул-потянул, а вытянуть не смог» [Там же: 150]. Эти элементы сказочного повествования, вплетённые в путевой очерк, лишний раз указывают на самобытность северного края, сохранившего нравы и старинный уклад жизни. Русский Север в рецепции Дурылина является не только пространством реального мира, но и мира волшебного. Мира, который включает в себя память поколений и законы природы. Мира, который живёт в согласии не только с законами природы, но и с душой человека. И где, как не на Севере, ещё можно увидеть «чудесные здоровые, красивые русские лица» [Там же: 160]? Это лица людей чудесных, потому что сохранили в себе это чудо сказки, подаренное самой природой; здоровых и красивых, потому что живут в согласии с миром; русских, потому что хранят в себе традиции и фольклор.

Говоря об образе Русского Севера в путевом очерке «За полуночным солнцем», необходимо обратить внимание на особую цветопись. Так, северное небо у Дурылина «белое с золотом», «бело-золотое», «бледное и милое»; летние ночи «золотисты», «тихие, свежие, душистые – всё светлей, всё белесоватей, золотистой, розовой», солнце «...утонуло в воде, и разбилось на бесчисленные плавкие кусочки золота, серебра, стали, белого хрусталя». Кроме золотого цвета мы часто встречаем белый – это два цвета, которыми писатель передаёт свои впечатления о Русском Севере. «Бело-золотая» вода, «белый день», «белые чайки», «белые облака отражаются в воде белым нежным паром», «белая река катится к Белому морю», «белоголовые ребятишки выбегают к пароходу». Русский Север для Дурылина становится воплощением чистого, светлого и сияющего края, который не просто воплощает, а сам собою порождает свет. Это и белые ночи, и светлые лица людей, и золотое небо, и солнце.

Дурылин создаёт образ священного, самобытного, сказочного и гармоничного Русского Севера. «Мир сошёл на землю – на небе и на земле один и тот же мир и тихий свет», – пишет он [Там же: 162]. Один и тот же мир – единый мир,

воплощённый в северной природе и людях. Это мир, оберегаемый огромной, тихой, глубокой рекой и густыми лесами. Белый мир, освещённый золотым солнцем. Мир, которого нет уже в средней России, на что прямо указывает автор в строчках, посвящённых труду северных жителей: «Или у вечно трудящейся и безропотной природы научились они этому труду без ропота и гнева, и мы, равно далёкие от неё и от них, никогда не поймём их?» [Там же: 149]. Писатель не даёт ответа на этот вопрос, но ответ скрывается в связи человека и природы, в традициях и нравах, неизменных на протяжении веков. Это и глубокая укоренённость в русском быте. Но не только в быте. Сильна связь северянина с православной традицией. «С церкви и до последней избушки в них всё просто, прочно, тихо, прекрасно, всё исконно, неразрывно с давней, давней стариной», – так пишет Дурылин о северных сёлах [Там же: 146]. Незримой нитью связаны воедино в Русском Севере природа, Церковь и человек. И единство это нерушимо. Нерушимо, потому что «исконно», «прочно» и «прекрасно».

Литература

Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900-1920 годов / сост., вступ. статья и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб. : Владимир Даль, 2014.

Торопова В. Н. Сергей Дурылин: самостояние. М. : Молодая гвардия, 2014.

УДК 821.161.1-93(Петухов А.)
ББК Ш380.112(2Рос=Рус)6-8,444

А.В. Давыдова

*(Северный Арктический федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия)*

ОБРАЗ СЕВЕРА В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ ПЕТУХОВА «СИТЬ – ТАИНСТВЕННАЯ РЕКА»

Аннотация. Статья является частным этапом исследования Северного текста русской литературы для детей. В работе рассматривается образ Севера, возникающий в повести А. Петухова